

Jarosław Poliszczuk

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Кризис советского метанарратива (современная ситуация восточнославянских литератур)

Распад Советского Союза и создание на его руинах новых республик в 1990–1991 годах обозначили границу эпох не только в геополитическом смысле, но также и в культурном самоопределении народов бывшего союзного государства. С одной стороны, это повлекло за собой неизбежную дискредитацию советского метанарратива, длительное время служившего структурообразующим элементом определенного культурного пространства. И хотя этот процесс оказался непростым, болезненным и противоречивым, все же расщепление советской идентичности стало одной из важнейших задач в современной культуре бывших республик СССР. С другой стороны, в этом пространстве наблюдаем постепенное становление новой идентичности и новых нарративов, которые соответствуют запросам нашего времени, но также отражают локальную специфику отдельных национальных культур.

Художественная литература, в соответствии с традицией русского литературоцентризма XIX–XX веков, составляла основу советского культурного дискурса [Берг 2000; Кондаков 2008; *Кризис литературоцентризма* 2014]. Именно в ней идеологическая модель отразилась наиболее четко и последовательно: в выборе культов, героев и антигероев, великих писателей и выдающихся произведений, в канонизированных достижениях и умалчиваемых утратах. Концепт советской литературы объединял мастеров разных стилей, поколений, национальностей и, несмотря на свою неустойчивость, успешно функционировал в разные периоды XX столетия. Даже его, казалось бы, очевидная дискредитация после 1991 года требует много усилий и средств, что не может не свидетельствовать о живучести такого явления. Но все же процесс запущен, и точка невозврата пройдена, что дает нам интересный предмет для рефлексии. Словацкий славист Любор Матейко рассуждает об этом следующим образом:

Если сами литературоведы советского времени определяли существование «советской литературы» как единого целого факторами, тесно связанными

с существованием СССР и распространением советского метанарратива (общая территория, общая идеологическая платформа), то распад СССР надо неизбежно воспринимать как толчок к расщеплению прежнего единства, глубинного или только поверхностного. Естественно, если признать литературный процесс именно процессом с собственными закономерностями, дата гибели «советской литературы» не должна обязательно совпадать с последним днем советской империи. Этот день может представлять лишь *terminus post quem*, т.е. начало существования основного условия для ее отмирания [Matejko 2017, 110].

Упразднение советского метанарратива оказалось чрезвычайно сложным не случайно. Дело в том, что он утвердился как системное явление, охватывавшее разные сферы самоидентификации советского общества. Этот метанарратив отличался крепкой идеологической связностью, но в то же время обладал гибкостью, что обеспечило ему определенное поле для маневра даже во времена упадка, длившегося довольно долго – от бунта поколения 60-х до современных общественно-культурных трансформаций в постсоветских странах. Поэтому, как подчеркивает австралийский ученый Грэм Гилл, сегодня происходит его медленное и постепенное разрушение, а вот о полном исчезновении пока что вряд ли стоит говорить [Gill 2001, 2; Gill 2013, 6–7]. В подобном тоне выдержаны оценки американского политолога Романа Шпорлюка: он предостерегал, что прощание с советским наследием не будет легким и безболезненным. В частности, ученый обращал внимание на гибридные формы идентичности, отражающие состояние полураспада советской общности: они могут возникать или развиваться произвольно, удивляя своей непредсказуемостью даже специалистов. Он считал, что

на данном этапе невозможно предвидеть (цитированное эссе *Национализм после коммунизма* было написано в 1998 году – Я.П.), ограничатся ли они постепенно какой-либо одной конкретной формой идентичности (русской, украинской или белорусской), или возникнут какие-либо новые формы самоидентификации, что-то типа донбасской региональной идентичности с *советскими* политическими и культурными идеалами, которая не будет ни русской, ни украинской. (...) Коммунизм все-таки оставил после себя значительное социально-психологическое наследие, пережившее его политическую и институционную смерть [Шпорлюк 2016, 90; пер. цитаты наш – Я.П.].

В художественной литературе восточнославянских народов этот эффект полураспада, а также сопутствующие ему явления гибридизации стилей, жанров, форм проявляются довольно выразительно, составляя одну из характерных особенностей современного литературного творчества.

Разрушение советского метанарратива лишь отчасти совпало с тем глобальным явлением, которое в свое время обозначил Жан Франсуа Лиотар в формуле утраты великих нарративов. Французский ученый исходил из опыта западной цивилизации, переходящей в состояние постмодерна и отказывающейся от бинарных оппозиций и однозначной иерархии ценностей [Лиотар 1998, 61]. Западные постмодернисты осознали – как требование текущего момента – необходимость переосмысления ведущих ценностей модерна, т.е. идей разума, прогресса, свободы. В этом отношении они определяли дисфункциональность великих нарративов, что и зафиксировал Лиотар в своем нашумевшем эссе о состоянии постмодерна и прощании с метанарративами [Лиотар 1998, 92–93]. Однако регламентирующее значение его оценок нельзя преувеличивать. Механическое перенесение западного опыта постмодерна на постсоветские общества кажется не только легкомысленным и ошибочным, но и вредным для понимания сущности настоящей ситуации. Собственно говоря, оно уже в 90-е годы XX века (тогда труд Лиотара был очень популярен и многократно цитирован) привело к некорректным оценкам и спекуляциям вокруг статуса постсоветского общества, которое зачастую сравнивалось с западным постмодерным миром. Опыт, однако, показал, что на Востоке Европы преждевременно говорить об упразднении великих нарративов, так как общество продолжает находиться в неопределенном состоянии и выражает явную тенденцию к возврату метанарратива, пусть и в несколько модифицированном виде.

Литературы восточнославянских народов в последнее время переживают не только динамическую эволюцию, но и значительные трудности, а порой и сложные проблемы, разрешение которых им не под силу. Конец 80-х и начало 90-х годов XX века был отмечен в этих литературах определенной эйфорией, вызванной как упразднением советской цензуры и идеологического давления, так и созданием новых независимых государств на базе бывшего СССР. На смену этой кратковременной эйфории пришло массовое разочарование и избавление от иллюзий. В целом постсоветский период можно условно разделить на три этапа: 1) от конца 80-х до середины 90-х – этап радикального переформатирования дискурса; 2) этап постмодернизма и связанных с ним экспериментальных практик (90-е годы и начало нового тысячелетия); 3) этап «нормальности» (после 2005–2008 годов).

Уже в годы горбачевской перестройки (вторая половина 80-х годов) началось возвращение репрессированного и забытого литературного наследия, наводнившего сначала страницы толстых журналов, а затем и каталоги крупнейших издательств. Огромный эффект этого процесса, растянувшегося

почти на десятилетие, тогда трудно было предвидеть. Достоянием широкой общественности стали произведения запрещенных раньше писателей конца XIX – начала XX века (русского Серебряного Века, раннего модернизма в украинской и белорусской словесности), репрессированных авторов 20–30-х годов, поколения шестидесятников и младших авторов, запрещенные цензурой или не вписывающиеся в соцреалистический формат. Еще более неожиданным явлением стала лавина эмиграционного творчества, представляющая оппозиционные к советской идеологии опции: белоэмигрантскую и антибольшевистскую в русской словесности, принципиально ориентированную на политическую и культурную самостоятельность в украинской и белорусской литературе. Большой читательский резонанс обрели публикации творческого наследия Михаила Булгакова, Александра Солженицына, Василия Гроссмана, Варлама Шаламова, Владимира Войновича, Владимира Винниченко, Миколы Хвильевого, Ивана Багряного, Максима Богдановича, Кузьмы Чорного, Ларисы Гениуш и многих других. Это вызвало весьма ощутимый интерес, а также – очень ценную, но, к сожалению, кратковременную дискуссию о пересмотре советского прошлого¹.

Период конца 80-х и первой половины 90-х был временем чрезвычайной популярности «толстых» литературных журналов. Российские периодические издания «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», украинские «Вітчизна», «Дзвін», «Березіль», белорусские «Полымя», «Нёман», «Маладосць» переживали в эти годы свой золотой век. Они привлекали массовое внимание не только тем, что публиковали раньше запрещенные произведения, но и становились важной трибуной общественного обсуждения актуальных проблем гуманитарной политики. В частности, для современного исследователя ценными являются рубрики литературной критики и публицистики этих журналов: они позволяют отслеживать идеи и настроения, бурлившие в то время в обществе.

Активное сосуществование разных дискурсов, стилей и традиций, ставшее возможным в эпоху перестройки, гласности и свободы слова, придало литературной жизни 90-х годов чрезвычайное разнообразие. С одной стороны, это не могло не радовать, так как на смену скучному соцреализму наконец пришла культурная открытость, приучающая читателя к выработыванию

---

¹ Общественная дискуссия, спровоцированная появлением «опальных» литературных произведений, апеллировала к критическому пересмотру представлений об истории XX в., в частности, о ее советском периоде. Однако такой опыт оказался слишком болезненным для постсоветского общества, чем воспользовалась власть, постепенно сворачивая эту дискуссию. Для 90-х гг. были характерны «растерянность и хаос, охватившие государственные «места памяти» в связи с процессами институционального распада советской империи», которые позже превратились в «общую социальную амнезию» и «блокировку памяти» [Прохорова 2007, 13–14].

собственного вкуса и культуры чтения. С другой стороны, вспышка активности на литературном поле была кратковременной, потому как уже к концу 90-х годов она была погашена надвигающейся волной массовой коммуникации, что фатальным образом сказалось на общественном авторитете и эстетических качествах изящной словесности [Кризис литературоцентризма 2014, 6].

Так или иначе, первая фаза постсоветской истории, то есть на 1990-е годы, вполне отчетливо обозначила завершение «литературоцентризма» как определенной традиции XIX–XX веков в восточнославянском контексте. Эта традиция была заложена демократической литературой и публицистикой дореволюционного времени, но окончательно оформлена в советской «огосударственности» культуры. Именно в сталинской модели культуры было закреплено состояние, отразившееся в «диктатуре искусства над жизнью» [Гройс 1993, 7]. Литература была возведена в степень определенного культа, однако она не столько отражала жизнь, сколько мифологизировала ее, пользуясь своим особым статусом и влиянием на массовое сознание. Таким образом, вся советская жизнь становилась производением искусства, зато «инновационный обмен между искусством и реальностью стал невозможным – и новое исчезло, сменившись вечным возвращением прошлого» [Гройс 1993, 6]. Такую связь, закрепившуюся в советской культуре, напрочь разрушила новая эпоха. Она привела к окончательной дискриминации культа литературы и отменила «эффект «всеприсутствия» литературы, ориентировавшей многие социальные практики на книжно-литературные образцы» [Кризис литературоцентризма 2014, 5; Черняк 2008, 7–8].

Вместе с тем в художественном творчестве этого периода выразительно проявились черты новой общественно-культурной ситуации: идеологическая и эстетическая поляризация в самоидентификации писателей, а также ощущение переживаемого исторического момента как драматического и трагического опыта. Последнее было в значительной степени вызвано эффектом Чернобыля – атомной катастрофы 1986 года, ставшей символом завершения эпохи и провозвещающей цивилизационный апокалипсис. Тема Чернобыля стала предметом самой серьезной рефлексии в литературе и искусстве [Забужко 2005, 111]. Представленная в таких значительных произведениях, как повести и романы Юрия Щербака *Чернобыль* (1987), Алеся Адамовича *Последняя пастораль* (1989), Светланы Алексиевич *Чернобыльская молитва. Хроника будущего* (1997), она стала также поворотным пунктом в самосознании национальных литератур, ключевым элементом в создании новой идентичности постсоветского периода [Михеева 2016]. Украинская исследовательница Тамара Гундорова предлагает именно с 1986 года начинать отсчет современности

(постмодерна) в литературно-культурном развитии и приводит ряд аргументов, отстаивая такую точку зрения [Гундорова 2005, 20].

Настроения цивилизационного разочарования и депрессии довольно популярны также в русской литературе «новой волны». В России они имеют несколько иную мотивацию, так как чернобыльский фактор здесь не произвел такого сильного впечатления, как в Беларуси или на Украине. Огромная страна в 90-ые годы в полной мере ощутила исчерпанность цивилизационной перспективы, тупик общественного развития, угрозу дестабилизации, которая проявилась в первой чеченской войне (1994–1996) и других открытых или скрытых конфликтах этого периода. Испытание свободой в среде творческой интеллигенции оказалось очень серьезным экзаменом, нередко приводившим к творческому кризису. Социально-психологические и этические дилеммы этого состояния хорошо отражает художественная проза Людмилы Петрушевской, Владимира Маканина, Виктора Пелевина, Татьяны Толстой. Так, в романе Пелевина *Чаяев и Пустота* (1996), ставшем одним из самых ярких произведений переходного времени, несмотря на условно-фантастический антураж ретроутопии, вполне выразительно угадываются общественные реалии России 90-х, настроения безысходности и тупика, охватившие интеллигенцию того времени. Развернутая писателем метафора Пустоты касается не только конкретного состояния и периода в новейшей истории, но восходит к более значимому, экзистенциальному смыслу: весь мир представлен в романе Пелевина как огромная пустота, потому как герои неспособны наполнить его каким-либо существенным смыслом [Корнеев 1997, 258–259].

Хотя в начале 90-х годов постсоветские страны одновременно начали выстраивать новую культурную идентичность, уже в начале этого процесса проявились значительные отличия в понимании этой задачи. Любор Матейко замечает по этому поводу, что они сказались на судьбах отдельных личностей и целых поколений писателей как созидателей литературного корпуса, а также определили ситуацию на книжном рынке и в литературной жизни в целом (новых литературных течений, тематических приоритетов, типов героев и т.п.). Ученый считает, что отношение к советскому дискурсу было определяющим в этом трансформационном процессе. Он пишет:

Ключевым вопросом формирования новой идентичности литератур постсоветских стран кажется вопрос о роли наследия советского метанарратива. Попытки справиться с ним наблюдаются на рубеже 80-х и 90-х годов во всех литературах постсоветского пространства, причем вопрос об отношении к советскому метанарративу был тесно связан с усилением роли новых национальных нарративов. Их развитие стало основной чертой общественного дискурса в государствах,

формально приобретших независимость. (...) Там, где национальные проекты стали обиходной реальностью и смена советского метанарратива успешно завершилась, создались условия для более широкого распространения постмодернистских и глобализационных концептов в обществе и литературе [Matejko 2017, 11–112].

Самой трудной преградой на этом пути обретения новой идентичности, как нам кажется, стал инерционный фактор. В случае украинской и белорусской литературы это прежде всего давление патриархальной традиции, которая в свое время не была соответствующим образом осмыслена и отрефлексирована. Дискриминация национального языка в современных условиях посттоталитарного государства (в сфере массовой коммуникации и культуры это имело место в Украине до реформ 2014 года и, к сожалению, продолжается в Беларуси) привела к культивированию среди творческой интеллигенции традиционной модели национальной культуры. Соответственно, на это трагично истощались ресурсы, которые следовало направить на модернизацию национально-культурного дискурса. В России такое инерционное влияние традиции тоже имело место; в частности, оно было вызвано волной публикаций произведений высокой культуры в 80–90-е годы, противостоящих размыванию эстетических критериев в новое время. К тому же инерция проявилась также (что не менее важно) в ностальгии по советскому прошлому, причем не только в пассивной идеализации этого прошлого, но и в попытках «восстановления постсоветского пространства» [*Русский узел* 1999, 14–15] на почве идей евразийства и имперской общности. Эта тенденция остается актуальной, более того, в последнее время она претерпела значительную эволюцию в контексте жесткой политической конъюнктуры России.

Роль государства в процессе «смены вех» тоже не была однозначной. Декларируя приверженность рыночной экономике и невмешательство власти в процессы культурного обмена, государство вместе с тем сохранило за собой значительные ресурсы влияния. А в сфере массовой коммуникации (как известно, в постсоветском пространстве она контролируется властью) дальше успешно использовались элементы советского нарратива, хорошо воспринимаемые, в частности, старшим поколением граждан. Наиболее явно технологии государственного регламентирования литературы проявились в постсоветской России, а также в Беларуси (что понятно в контексте создания союза с Российской Федерацией), в меньшей мере – в Украине. Так или иначе, они противоречат официальным заявлениям о свободе творчества, поскольку в действительности литература ощущает значительное давление политических и идеологических факторов. Вытесненная из официальной сферы,

рефлексия над настоящим и прошлым, тем не менее, находит свое отражение в художественной литературе, обуславливая популярность определенных форм и жанровых модификаций (антиутопия, альтернативная история, ретродектив и пр.). Отсюда вывод Александра Эткинда, утверждающего в недавнем исследовании культурной памяти, что такие произведения показывают «извращенные кривые формы горя» [Эткинд 2015, 13]. Ведь в российском обществе всеобщая травма, вынесенная из советского прошлого, не была проработана, а наоборот – до сих пор остается умалчиваемой, поэтому – не осмысленная должным образом – память возвращается в виде мутантов и зомби на страницах современных романов-антиутопий. Осторожно о травматическом опыте прошлого пытаются говорить белорусские писатели [Михеева 2016], невзирая на политические преследования и укрепление «бархатной» диктатуры в этой стране. В течение последнего десятилетия апеллируют к переосмыслению трагического опыта прошлого украинские авторы². Наверное, это один из весомых показателей реформирования словесности в постсоветском пространстве. Поэтому Любор Матейко, сравнивая национальные проекты бывшего СССР, утверждает: «Наиболее заметным кажется отказ от советского метанарратива в формировании идентичности новой украинской литературы» [Matejko 2017, 112].

Пример действия с обратным эффектом дает в последнее время Беларусь. Эта страна отказалась от созидания национальной идентичности и стремится своеобразно пролонгировать советские культурные практики, что вызывает фрустрацию среди ее граждан, с одной стороны, и скепсис относительно государства и его политики – со стороны соседей и внешних наблюдателей. Политический режим президента Лукашенко определил длительную стагнацию общества, лишённого перспективы развития и законсервированного в полусонном состоянии [Kłysiński 2017, 87]. В частности, большой провал потерпела гуманитарная политика Беларуси, ставшей фактически филиалом «русского мира». Системные притеснения белорусского языка привела к его окончательной маргинализации в современной культуре³. Перед белорусским литератором сегодня разворачивается невеселая и скудная перспектива: писать на русском и пытаться выйти на российский книжный рынок, избавляясь от собственной идентичности (на разных уровнях – индивидуальном,

---

² Такая тенденция заметна в ряде произведений последнего времени, ее репрезентируют Оксана Забужко в *Музее покинутых секретов* (2009), Владимир Лыс в *Столетия Якова* (2010), Василий Шкляр в *Черном вороне* (2009) и *Троцке* (2017) и др.

³ В отличие от других бывших республик, в Беларуси после распада Советского Союза количество русскоязычных граждан лишь возрастало. В 1989 г. их было чуть меньше, чем в Украине – 32,3%, в 1994 – уже 49,6%, а в 2016 – 71% [*Русский язык...* 2017].

региональном и национальном), или оставаться в маленьком белорусском «аквариуме» (так называют кружки белорусскоязычной интеллигенции) [Matejko 2017, 113, 119]. Во втором случае его творчество обречено на небытие, так как литературу на белорусском языке почти никто не читает: в последнее время численность людей, знающих белорусский и читающих на нем, значительно сократилась, как следует из официальных источников [*Русский язык...* 2017]. Государственное двуязычие практически обернулось новой мощной волной национально-культурной ассимиляции белорусов и ведет к необратимым последствиям. Игра в постмодернистскую открытость и транскультурность [Pálfalvi 2017, 128–129], которая имеет своих приверженцев в среде белорусских писателей (Валентин Акудович, Артур Клинов и др.), в этом случае только скрывает постепенную деградацию национально-культурного своеобразия белорусов под давлением неоколониальных факторов. В этом контексте неоднозначной практикой выглядит использование русского языка белорусскими писателями (Светлана Алексиевич, Андрей Жвалевский, Тамара Лисицкая, Наталья Батракова и др.): пытаясь сохранить национальную идентичность хотя бы частично, они идут на сомнительные компромиссы⁴. Языковой спор в Беларуси продолжает быть острым, так как отражает плачевную ситуацию национального языка и культуры XIX–XX веков. Весь корпус текстов, созданных на этом языке (то есть не только классика, но и современные произведения), может оказаться всего лишь архивным материалом, если не приостановить ассимиляционные процессы. Кроме того, размывается грань между русскоязычной и русской литературой Беларуси, что составляет отдельную проблему для современной культуры.

Кризис советского метанарратива в восточнославянских литературах оказался длительным и противоречивым. Быстрый и успешный переход к следующей формации в 1991 году, как это представляли себе многие писатели и публицисты времен развала СССР, не состоялся, он уступил место затяжному и нередко инерционному по существу процессу. Политизация культурной жизни России в начале XXI в. привела к усилению неоимпериальной риторики, преимущественно черпающей из советского дискурса: ее перформативно используют многие популярные писатели. В украинской и белорусской словесности, наоборот, сильно сказались колониальные традиции, ведущие к архаизации культуры и противопоставленные ее актуальной

---

⁴ И при этом вряд ли могут конкурировать наравне с русскими авторами. В этом случае писатели ограничивают себя другой искусственной рамкой, так как главным читателем их произведений являются все же белорусы, точнее сказать, «советский народ белорусского разлива», как метко сформулировал Игорь Бабков [Бабков 2013].

модернизации. К тому же на развитии новой идентичности очень существенно сказалось давление «русского мира», которое можно идентифицировать как неоколониальный культурный проект. Переосмысление недавнего прошлого пока что находится в незавершенной стадии, а это значит, что и создание национальных нарративов в современных восточнославянских литературах – процесс открытый.

Библиография

- Babkov Igar. 2013. *Hvilinka. Try gistoryi*. Minsk: Vydavec Logvinaŭ [Бабков Игар. 2013. *Хвілінка. Тры гісторыі*. Мінск: Выдавец Логвінаў].
- Berg Mihail Ūr'evič. 2000. *Literaturokratiâ. Problema prisvoeniâ i pereosmysleniâ vlasti v literature*. Moskva: Izdatelstvo NLO [Берг Михаил Юрьевич. 2000. *Литературократия. Проблема присвоения и переосмысления власти в литературе*, Москва: Издательство НЛО].
- Černâk Mariâ. 2008. *Sovremennââ russkaâ literatura*. Moskva: Forum, Saga [Черняк Мария. 2008. *Современная русская литература*. Москва: Форум, Сага].
- Ėtkind Aleksandr. 2015. *Krivoje gore. Pamât' o nepogrebenny*. Avtoriz. perevod s angl. Makarov V. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Эткинд Александр. 2015. *Кривое горе. Память о непогребенных*. Авториз. перевод с англ. Макаров В. Москва: Новое литературное обозрение].
- Gill Graeme. 2011. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gill Graeme. 2013. *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grojs Boris. 1993. *Utopiâ i obmen (Stil' Stalin – O novom – Stat'ï)*. Moskva: Znak [Гройс Борис. 1993. *Утопия и обмен (Стиль Сталин – О новом – Статьи)*. Москва: Знак].
- Gundorova Tamara. 2005. *Pislâčornobil's'ka biblioteka. Ukraïns'kij literaturnij postmodern*. Kïiv: Krytyka [Гундорова Тамара. 2005. *Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодерн*. Київ: Критика].
- Kłysiński Kamil. 2017. *Koniec mitu dobrego cara*. „Nowa Europa Wschodnia” nr 3/4: 83–87.
- Kondakov Igor'. 2008. *Po tu storonu slova. Krizis literaturocentrizma v Rossii XX–XXI vv.* „Voprosy literatury” № 5: 5–44 [Кондаков Игорь. 2008. *По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв.* „Вопросы литературы” № 5: 5–44].
- Krizis literaturocentrizma. Utrata identiĉnosti, novye vozmožnosti*. 2014. Red. Kovtun N. Moskva: Flinta, Nauka [Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности, новые возможности. 2014. Ред. Ковтун Н. Москва: Флинта, Наука].
- Lyotard Jean-François. 1998. *Sostoânie postmoderna*. Per. s fr. Šmatko N.A. Moskva: SPb: Institut ěksperimental'noj socjologii [Лиотар Ж.-Ф. 1998. *Состояние постмодерна*. Пер. с фр. Шматко Н.А. Москва: СПб: Институт экспериментальной социологии]
- Matejko Ľubor. 2017. *Ot «sovetskoj literatury» k nacional'nym literaturam na postsovetskom prostranstve: sluĉai Ukrainy, Belarusi i Azerbajdžana*. W: *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies*. Eds. Matejko L. Bratislava: Porta Danubiana, Comenius University: 110–121.
- Miheeva Larisa. 2016. *Sovremennââ beloruskaâ literatura: tri sposoba govorit' o travme*. „Novaâ Ėvropa”. (online) http://n-europe.eu/article/2016/03/07/sovremennaya_belarusskaya_literatura_tri_sposoba_govorit_o_travme (dostup 20.11.2017) [Михеева Лариса. 2016. *Современная белорусская литература: три способа говорить о травме*. „Новая Эуропа”. (online)

- http://n-europe.eu/article/2016/03/07/sovremennaya_belarusskaya_literatura_tri_sposoba_govorit_o_travme (доступ 20.11.2017)].
- Pálfalvi Lajos. 2017. *Dwujęzyczność, transkulturowość i tożsamość białoruska*. W: *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies*. Ed. Matejko L. Bratislava: Porta Danubiana, Comenius University: 123–129.
- Prohorova Irina. 2007. *Nedavnee prošloe kak vyzov istorizmu*. „Novoe literaturnoe obozrenie” № 1 (83): 12–24 [Прохорова Ирина. 2007. *Недавнее прошлое как вызов историзму*. „Новое литературное обозрение” № 1 (83): 12–24].
- Russkij âzyk terâet populârnost' sredi žitelej počti vseh stran byvšego SSSR*. *Infografika* 2017. „Novoe vremâ”. (online) <http://nv.ua/world/countries/russkij-jazyk-terjaet-populjarnost-sredi-zhitelej-pochti-vseh-stran-byvshego-sssr-infografika-2173101.html> (dostup 26.11.2017) [*Русский язык теряет популярность среди жителей почти всех стран бывшего СССР*. *Инфографика*. „Новое время”. (online) <http://nv.ua/world/countries/russkij-jazyk-terjaet-populjarnost-sredi-zhitelej-pochti-vseh-stran-byvshego-sssr-infografika-2173101.html> (доступ 26.11.2017)].
- Russkij uzel. Idei i prognozy žurnala «Moskva»*. 1999. Red. Selivanova S.D. Moskva [*Русский узел. Идеи и прогнозы журнала «Москва»*. 1999. Ред. Селиванова С.Д. Москва].
- Šporlúk Roman. 2016. *Formivannâ modernih nacij: Ukraïna – Rosiâ – Pol'sa*. Per. z angl. Kas'ânov G., Klymchuk M., Râbčuk M. ta in. Vid. 2-e. Kiiiv: Duh i Lîtera [Шпорлюк Роман. *Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща*. Пер. з англ. Касьянова Г., Климчука М., Рябчука М. та ін. Вид. 2-е. Київ: Дух і Літера].
- Zabužko Oksana. 2005. *Pro mistectvo v posttravmatičnomu svitî*. V: *Ukraïns'ka literatura s'ogodni*. Upor. Medvid V. Kyïv: NSPU: 111–115 [Забужко Оксана. 2005. *Про мистецтво в посттравматичному світі*. В: *Українська література сьогодні*. Упор. Медвідь В. Київ: НСПУ: 111–115].

Summary

The Crisis of Soviet Meta-narrative (contemporary situation of East-Slavic literature)

The author of the article revises the process of gradual deconstruction of soviet metanarrative in literature of Russia, Belorussia and Ukraine after 1991st. Each of those literatures built its own identity, which had to replace soviet cultural discourse. That process was contradictory, but still quite productive. Contemporary post-soviet literature is in boundary situation. It means that the crisis of the transition period has not been completely overcome. The main problems in creating of the national narratives are neo-imperial (in Russia) or neo-colonial (in Belorussia and Ukraine) tendencies.

Key words: soviet meta-narrative, national narrative, literature, post-modernism, discourse

Kontakt z Autorem:
yaropk@gmail.com

